

информации различного характера даже из защищенных баз данных ставят на первый план проблему сохранности конфиденциальной и личной информации в правительственных базах. В этом плане не удивительны дискуссии, которые велись по поводу внедрения единого электронного удостоверения личности в США в 1990-е гг. Тотальный социальный контроль многими воспринимается как угроза правам человека. Вместе с тем миграционный кризис в Европе в 2014-15 гг. показал необходимость более тщательного миграционного контроля, в частности, с использованием электронизации документооборота.

Еще одной значимой проблемой является недостаточный уровень «цифровой культуры» всех социальных субъектов. С одной стороны, стать подлинно «электронным гражданином», а не пользователем отдельных услуг, очень не просто. С другой стороны, периодически возникающие ситуации с обнародованием персональных данных миллионов людей свидетельствует о доступности такой информации, что означает неготовность отдельных людей и социальных структур к жизни в «цифровом обществе», требующем соблюдения правил кибербезопасности. Так, если при использовании общественной сети Wi-Fi для передачи конфиденциальной информации ответственность за кражу данных принято возлагать на самих беспечных пользователей, то при хакерских атаках применительно к крупным организациям (банкам, СМИ, госструктурам и т.д.) очевидны организационные недоработки в системе информационной безопасности этих структур. При этом сама возможность нанесения вреда информационной, технологической, политической и экономической безопасности с помощью информационных технологий даже применительно к государствам ни у кого не вызывает сомнений.

Таким образом, при анализе тенденций развития современных информационных технологий и их применения в различных сферах жизни общества необходимо учитывать то, как получаемые результаты отражаются на жизни конкретных людей и социальных групп, а также на социальных, экономических или политических изменениях в системе государственного управления. Целый ряд факторов социального, политического, психологического, финансового и организационного характера затрудняют широкое внедрение тех или иных информационных технологий, идет ли речь о переводе на «цифровую» основу образования или использовании возможностей интерактивной экономической и политической коммуникации. Очевидно, что необходима выработка комплексных междисциплинарных решений с учетом всех технологических, экономических, политических и социальных условий, сложившихся к настоящему времени как на локальном, так и на глобальном уровне.

Литература

1. Богданова, Д. Образовательные парадигмы в цифровую эпоху // Problem of Computer Intellectualization. V.M Glushkov Institute of Cybernetics of National Academy of Sciences of Ukraine. 2012. Kiev, Ukraine – Sofia, Bulgaria. [Электронный документ]. Режим доступа - [http:// foibg.com/ibs_isc/ibs-28/ibs-28.htm](http://foibg.com/ibs_isc/ibs-28/ibs-28.htm) - Дата вхождения 10.03.2016.

2. Ирхин, Ю.В. «Электронное правительство» и общество: мировые реалии и Россия (сравнительный анализ) [Текст] / Ю.В.Ирхин // Социологические исследования. – 2006. - № - С.73-82.

3. Навальный С.В. Электронное голосование: опыт зарубежных стран и перспективы применения в Российской Федерации // Особенности муниципальных выборов в Российской Федерации: опыт, тенденции, перспективы. [Электронный документ]. Режим доступа - <http://izbircom.admkrsk.ru/PublishingImages/библиотека/конф-2010.pdf>. - Дата вхождения 10.03.2016.

4. Михеев А., Богучарский А. Зачем Эстонии «электронные резиденты»? // [Электронный документ]. Режим доступа - <http://old.mgimo.ru/news/experts/document267797.phtml> - Дата вхождения 10.03.2016.

Н.А. Ястреб

ВЫСОКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ²⁸

(Вологодский государственный университет)

Одной из наиболее заметных тенденций в переосмыслении концептуальных оснований конвергентных технологий стало введение в их состав социальных технологий, с которыми связываются важнейшие изменения в понимании как сути самих технологических знаний, так их преобразующего общества потенциала. Социальные технологии состоят в использовании знаний о человеке и обществе для осуществления воздействия на социум и процессы, происходящие в нем. Гуманитарные технологии, в свою очередь, фокусируются на человеке, изменении его поведения, когнитивных или иных личностных особенностей, ценностей, интеллекта, жизненных приоритетов, т.е это «производство новых способов деятельности» [5, с. 63]. Если основным ресурсом традиционных технологий является материя в той или иной форме, то главным ресурсом гуманитарных технологий являются человек и знание [1].

В к. XX в. появляется термин «высокие гуманитарные технологии» (hi-hume), предметом которых является «преобразование биосоциальной природы человека, т.е. трансформация его генетического, когнитивно-логического и социокультурного кодов» [6, с. 283].

Высокие гуманитарные технологии направлены на осознанное проектирование человека и общества, это «методики, позволяющие эффективно и целенаправленно воздействовать на "общественное сознание" и тем самым на общественные процессы» [4], или «воздействие и формирование живого чело-

²⁸ Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации, проект № МД-6200.2016.6 "Семиотические основания техники и технического сознания"

веческого сознания». Российский экономист М.Г. Делягин подчеркивает, что высокие гуманитарные технологии отличает именно проективный характер воздействия на человека и приводит в пример PR (public relations), суть которого состоит в формировании в обществе благоприятного восприятия какого-либо объекта. Если реклама и маркетинг, отмечает он, приспособливают товар к вашим потребностям, то «PR приспособливает вас к уже имеющемуся товару» [2].

Конец XX в. демонстрирует парадигмальный сдвиг в понимании целей научного и технического познания, который можно назвать антропологическим поворотом. Научно-техническое развитие европейской цивилизации и сама идея прогресса традиционно основывалась на идее преобразования природы и ее подчинения потребностям человека. Среди причин изменения этой идеи, безусловно, нужно отметить негативные экологические последствия и биосферные трансформации, вызванные появлением у человека средств, инструментов и возможностей кардинально менять сложившийся в природе порядок. Примерами могут служить активная добыча полезных ископаемых, строительство масштабной инфраструктуры, меняющей традиционные ареалы обитания животных и растений, вырубка лесов и т.д. Однако не менее важны и мировоззренческие изменения и структурные трансформации самой науки. На первый план выходят исследования, непосредственно связанные с человеком, и технологии, которые могут обеспечить интеллектуальное и физическое здоровье, комфорт, безопасность, обучение и развлечения. Нарастание проявлений общества потребления в виде экономических кризисов, экологических и социальных проблем привело к необходимости переосмысления потребностей самого человека, переоценки его планетарных амбиций. В итоге современность можно рассматривать как «некий закономерный этап в развитии человечества, когда его воздействие на биосферу достигло некоторого предела, и стало легче изменять самих себя, чем изменять биосферу» [2].

Высокие гуманитарные технологии в таких условиях становятся даже более значимыми, чем традиционные ресурсы, например, деньги. Обладание технологиями, способными формировать потребности и требуемые социальные процессы или формы поведения, становится важнейшим фактором конкурентоспособности производителей товаров и услуг, политического влияния, экономической успешности.

В настоящее время можно выделить ряд сложившихся направлений развития высоких гуманитарных технологий, к которым относят технологии управления сознанием, PR, образовательные технологии, когнитивные технологии, «фабрики мысли», биотехнологии, неротехнологии, геронтологию и разработку технологий продления индивидуальной человеческой жизни, генные технологии, человеко-машинные интерфейсы и многие другие.

Очевидно, что потенциал социальных преобразований, отличающий высокие гуманитарные технологии, одновременно означает широкие возможности для манипуляций сознанием индивида, социальных групп и общества в целом. Иногда hi-hume понимаются буквально как технологии манипуляции человеком: «подчеркнем, что в нашем понимании Hi-Hume речь идет не об «челове-

чивании» техники и технологий, а о технологиях, которые предназначены для целенаправленного изменения человеческого сознания, как индивидуального, так и массового... мощь этих технологий насколько велика, что они способны разрушать механизмы саморегуляции человека и социума» [3, с. 30].

В то же время, нельзя не отметить, что высокие гуманитарные технологии имеют значительный потенциал для развития человека, его когнитивных способностей, социальных и личностных качеств, для воспитания нравственных и ценностных ориентаций, что ставит проблему их социально-гуманитарной экспертизы, а также совершенно новые задачи перед современным образованием, в том числе технологическим, поскольку любая деятельность погружена в стремительно меняющееся социальное взаимодействие, что нужно прогнозировать и учитывать.

Литература

1. Барышников П.Н. Философия IT, high-hume и... мифология / П.Н. Барышников // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2012. – № 3.
2. Делягин М.Г. Глобализация: влияние нового уровня открытости на международную конкуренцию и общественные отношения. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pseudology.org/information/HighHume.htm> (дата обращения 11.10.2015).
3. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под редакцией директора ИПРОГ-а, д. э. н. М. Г. Делягина. – Москва: ИНФРА-М, 2000. – 342 с.
4. Узлов Н.Д. Настоящее и будущее гуманитарных технологий / Н.Д. Узлов // Вестник Пермского университета. Серия Философия. Психология. Социология. – 2011. – № 4. – С. 62-70.
5. Чешко В.Ф., Глазко В.И. High Hume (биовласть и биополитика в обществе риска). Учебное пособие. М., 2009. – 319 с.